

Н. Н. Серегин

**СИМВОЛЫ ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

УДК 903'15

ББК 63.444

Статья посвящена символам власти в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Основу исследования составили археологические материалы, главным образом результаты раскопок погребальных комплексов 2-й половины I тыс. н. э. Анализ имеющихся материалов с привлечением дополнительных источников (письменных, изобразительных, этнографических) позволил определить вещи, в разной степени символизировавшие отношение человека к политической элите раннесредневековых кочевников. Учитывая высокую степень милитаризации кочевников, в большей части эти предметы были связаны с военным делом. Важными символами власти являлись: клинковое оружие ближнего боя (меч, кинжал), боевой топор, копьё, защитный доспех. Статус человека и его отношение к власти определялись также наличием художественно оформленной плети. Важным показателем принадлежности кочевника к политической элите был наборный пояс. Другие предметы торевтики (металлические сосуды, зеркала, украшения и костюм) в большей степени являлись символами богатства, однако также служили атрибутами представителей верхушки общества кочевников.

Ключевые слова: *символы власти, раннее средневековье, тюрки, Центральная Азия, археологические памятники, социальная история, элита*

Символика власти, демонстрирующая принадлежность отдельного человека или группы людей к политической элите, в той или иной степени присутствует в любом обществе. Особое значение она имела в традиционных социумах, для которых в целом характерны разного рода знаковые системы, а также четкое внешнее проявление статуса и функций индивида, в том числе его отношение к власти. Значительный массив информации для изучения специфики рассматриваемого явления в конкретных обществах предоставляют результаты археологических исследований. В настоящей статье рассмотрены возможности изучения символов власти у раннесредневековых тюрок Центральной Азии, основанных во 2-й половине I тыс. н. э. ряд крупнейших кочевых империй и распространившихся характерные для них пред-

ставления об атрибутах политической элиты на значительные территории.

Несмотря на длительную историю исследований археологической культуры раннесредневековых тюрок Центральной Азии, материалы, демонстрирующие особенности символик власти у кочевников, до сих пор весьма фрагментарны. Традиционно основным источником для изучения элиты кочевников 2-й половины I тыс. н. э. считаются мемориальные «каганские» комплексы Монголии. Опыт интерпретации немногочисленных результатов исследования этих памятников достаточно подробно представлен в публикациях отечественных и зарубежных археологов,¹ что позволяет лишь кратко остановиться на анализе возможностей привлечения данных сведений для характеристики символов власти в тюркском обществе.

Судя по имеющимся материалам, уже в эпоху Первого каганата мемориальные комплексы

Серегин Николай Николаевич — к.и.н., с.н.с. лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

* Работа выполнена за счет гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

¹ См.: Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996; Билгэ ханы тахилынгонгоньсудалгаа / Баяр Д., Амартувшин Ч., Энхтор А., Гэрэлбадрах Ж. // Археологийн судлал. 2003. Т. 21. Т. 75–83; Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Билгэ кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 73–84; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана, 2006; и др.

Монголии представляли собой довольно сложные и масштабные сооружения, включающие такие конструктивные элементы, как вал, ров, каменная насыпь, ряд балбалов, а также своего рода храмы, от которых сохранились многочисленные обломки черепицы и основания деревянных колонн.² На одном из известных объектов этого времени — Бугутской стеле — обнаружена надпись, содержащая некоторую информацию о специфике устройства общества тюрков, в том числе о составе элиты. Автору текста социально-политическая иерархия кочевников представлялась следующим образом: каган, его сородичи, шадапыты, тарханы, куркалыны, тудуны, конные воины, народ в целом.³ Своеобразным этапом в социальной истории тюркского общества стал недолгий период зависимости от Поднебесной империи (630–679 гг.). Результаты раскопок «элитных» комплексов Монголии этого времени не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников, но по совокупности показателей эти комплексы являются скорее китайскими, чем тюркскими.⁴ Наибольшая вариабельность мемориальных комплексов фиксируется в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.). Вероятно, традиция сооружения различных типов «каганских» объектов Монголии отражает существование нескольких уровней элиты номадов.⁵

Нет сомнений, что результаты изучения мемориальных комплексов Монголии имеют большое значение для реконструкции многих аспектов истории и культуры раннесредневековых тюрков. Вместе с тем данные объекты предоставляют довольно ограниченный объем информации о символах власти в обществе кочевников. Это связано главным образом с тем, что полноценно раскопана лишь незначительная часть таких памятников, к тому же часто разрушенных. Представительные вещественные материалы, демонстрирующие «элитную» субкультуру раннесредневековых тюрков, получены только в ходе раскопок на комплексе

Бильгэ-кагана.⁶ Среди показательных атрибутов на каменных изваяниях, выявленных при исследовании мемориальных объектов, отметим сложные головные уборы, клинковое оружие, наборные пояса, а также зафиксированные в нескольких случаях жезлы.

Как ни странно, гораздо больший объем сведений о символах власти в обществе раннесредневековых тюрков Центральной Азии предоставляют материалы исследований «рядовых» погребальных памятников, в значительном количестве обнаруженных на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и в меньшей степени — в Монголии, Кыргызстане и Казахстане. Эти комплексы демонстрируют высокую степень дифференциации общества кочевников.⁷ Одним из важных аспектов социальной интерпретации материалов раскопок является выделение категорий предметов сопроводительного инвентаря, отражающих высокое прижизненное положение погребенного человека, в том числе символов власти.

При выделении вещей, в той или иной степени определяемых как символы власти в обществе кочевников 2-й половины I тыс. н. э., нами принимались во внимание известные результаты работ, полученные многими исследователями при изучении обществ номадов степей Евразии различных исторических периодов раннего железного века и средневековья. Обоснованность подобных аналогий обусловлена наличием комплекса сходных черт в существовании объединений номадов рассматриваемого региона.

Корректное определение социальной значимости предметов сопроводительного инвентаря не может быть интуитивным или основываться только на частоте встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов (письменных, изобразительных, этнографических и др.). Основными факторами, позволяющими определить социальную значимость предметов, являются следующие:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;

² См.: Войтов В. Е. Указ. соч. С. 27–30; Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Указ. соч. С. 33–66.

³ См.: Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 132.

⁴ См.: Курган Шороондов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии / Данилов С. В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А. И., Саганов Б. В., Батболд Х. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 254–257; Эртний нуудэлчдийн бунхант булшнымалтлага судалгаа / Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Улаанбаатар, 2013.

⁵ Войтов В. Е. Указ. соч. С. 67.

⁶ Баяр Д. Указ. соч. С. 73–84.

⁷ См.: Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013.

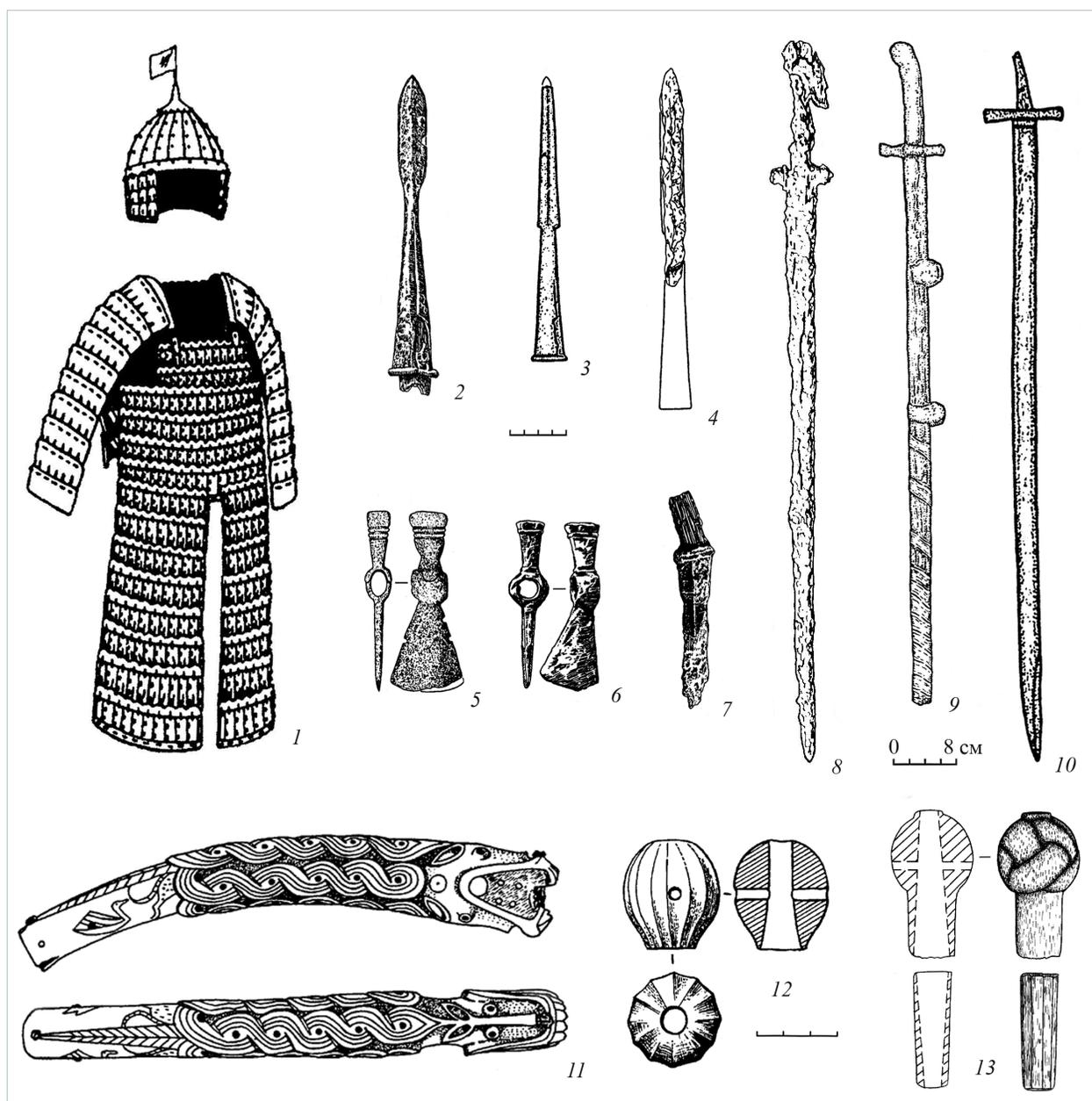

Рис. 1. Предметы из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии:

1 — реконструкция доспеха (Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 1: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. Рис. 60); 2–4 — наконечники копий (Горбунов В. В. Указ. соч. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. Рис. 42.-5-7); 5–6 — боевые топоры (Горбунов В. В. Указ. соч. Рис. 69.-1; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. Рис. 9.-11); 7 — боевой нож (Тишкин А. А., Горбунов В. В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М. П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 10. Рис. 4.-1); 8–10 — мечи (Овчинникова Б. Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. № 3. Рис. 3.-21; Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. Рис. 48.-1; Худяков Ю. С., Кочев В. А., Моносов В. М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. Рис. 1.-1); 11 — рукоять плети (Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // КСИИМК. 1951. Вып. 36. Рис. 9); 12–13 — наконечия стеков (Могильников В. А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. Рис. 4.-9; Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. Табл. 28.-6)

4) общие тенденции развития кочевых обществ центральноазиатского региона в раннем средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Обоснованным является выделение в совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Такой подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований,⁸ не только позволяет корректно определить значимость конкретных групп предметов, но и способствует (на последующих этапах работы) объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

«Комплекс власти» в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии был представлен главным образом предметами вооружения. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребений знатных воинов. При этом не вызывает сомнений социальная значимость клинкового оружия ближнего боя (рис. 1, 7–10). Особый культурный статус сабли, меча и кинжала в эпоху средневековья подтверждают многочисленные свидетельства письменных источников среднеазиатского происхождения.⁹ Такие предметы были символом оружия и атрибутом власти военачальника у многих народов Евразии различных исторических периодов.¹⁰ Вполне характерными являются сведения о том, что меч присутствовал среди вещей, выделявших элиту Золотой Орды из состава ее населения.¹¹ Обратим внимание на то, что кинжал в раннем средневековье рассматривался не только как пред-

мет вооружения, но и как элемент костюма и отличительный знак ранга знатного воина. Дополнительным подтверждением этого является упоминание о кинжале как о поясном украшении тюрок в китайских династийных хрониках.¹²

Особое символическое значение имел также боевой топор (рис. 1, 5, 6), рассматривавшийся, по всей видимости, как знак власти военачальника.¹³ К примеру, на одном из произведений пенджикентской живописи изображен царь без доспеха, но с топором.¹⁴ Редкие изображения знатных воинов с обозначенным предметом вооружения встречаются среди петроглифов раннего средневековья, обнаруженных в различных районах Центральной Азии.¹⁵

Несомненно, ценным предметом воинского снаряжения являлся защитный доспех (рис. 1, 1). Значимость данного элемента паноплии в значительной степени определялась сложностью и трудоемкостью его изготовления. В частности, поэтому тяжеловооруженная конница была элитным родом войска кочевников и формировалась из представителей наиболее знатных родов общества. Отметим, что такая ситуация была характерна не только для эпохи средневековья, но и для более раннего времени.¹⁶

Судя по имеющимся сведениям, особый статус в обществе раннесредневековых кочевников имело копье (рис. 1, 2–4). Такие изделия нередко фиксируются при исследовании наскальных изображений. При этом часто на копьях в руках конных воинов есть дополнительные элементы — бунчуки и небольшие флажки.¹⁷ Известно, что такие атрибуты являлись отличительным признаком знатных

¹² См.: ЛюМаоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. С. 19.

¹³ См.: Распопова В. И. Указ. соч. С. 76; Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. С. 99.

¹⁴ Распопова В. И. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ См.: Кляшторный С. Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. С. 214; Жолдошов Ч. М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2005. Вып. 1. С. 72.

¹⁶ См.: Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н. э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 95, 97; Худяков Ю. С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. СПб., 2007. С. 119.

¹⁷ См.: Советова О. С., Мухарева А. Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 94.

⁸ См.: Васютин С. А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. С. 18; Матренин С. С., Тишкин А. А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 179.

⁹ См.: Дмитриев С. В. К вопросу о культурном статусе холодного оружия в традиционной культуре народов Средней Азии // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 234–237.

¹⁰ См.: Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 79; Ульянов И. В. Культ меча ранних кочевников Южного Урала // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007. С. 189, 190; Измайлов И. Л. Защитники «Стены Искандера». Казань, 2008. С. 39; и др.

¹¹ См.: Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. С. 29.

воинов, командующих подразделениями различного уровня.¹⁸ Кроме того, имеется информация о том, что бунчуки, знамена или штандарты в раннем средневековье представляли собой символ властных полномочий и использовались для подтверждения статуса послов при ведении переговоров.¹⁹

Важно подчеркнуть, что перечисленные предметы вооружения являются весьма редкими находками в раннесредневековых памятниках тюрок Центральной Азии. Вместе с тем имеются все основания для того, чтобы предполагать определенную степень их распространения во 2-й половине I тыс. н. э. В письменных источниках нередко упоминается об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия.²⁰ Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников.²¹ Копья являются непременным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего средневековья.²² При этом многие всадники облачены в защитный доспех. На наш взгляд, обоснованным является предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в раннесредневековых погребениях тюрок Центральной Азии обусловлена не ограниченностью их распространения, а тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус.

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем средневековье боевого топора. Не исключено, что его применение тюрками в военных действиях было ограниченным, и он стал рассматриваться как некий символ власти. Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе «кладов».²³

¹⁸ См.: Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. 1951. Вып. I. С. 151–153; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Указ. соч. С. 116, 117.

¹⁹ См.: Худяков Ю. С. Символы и атрибуты государственности у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск, 2011. С. 294, 295.

²⁰ См.: Худяков Ю. С. Золотая волчья голова... С. 115–117.

²¹ См.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 63, 64; Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. С. 39–42.

²² См.: Горбунов В. В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в ранний железный век и средневековье. Барнаул, 1998. С. 102–128.

²³ См.: Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология Нижнегэткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул, 1995. С. 57; Кочеев В. А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение куль-

Довольно специфичным является распространение в раннесредневековых погребальных комплексах тюрок Центральной Азии защитного доспеха. Прежде всего, обратим внимание на то, что такие изделия представлены в большинстве случаев сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря встречены только однажды в «стандартном» погребении,²⁴ в остальных случаях фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах.²⁵ В данном случае, помимо социальной значимости рассматриваемых предметов, очевидна и другая их функция. В качестве предположения обратим внимание на возможность того, что фрагменты доспеха могли являться своего рода символической «заменой» отсутствовавшего человека в обозначенных погребально-поминальных комплексах. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения — наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруживаемые в раннесредневековых погребениях тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов и, особенно, каменных оградок на различных территориях.²⁶ Вероятно, определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копье, наряду с лошастью и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека.²⁷

Дополнительным фактором, позволяющим отнести рассмотренные предметы вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса раннесредневековых тюрок Центральной Азии, и к своего рода символам

турного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. 10. С. 175–177.

²⁴ См.: Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 4. С. 64–82.

²⁵ См.: Серегин Н. Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово, 2008. С. 148.

²⁶ См.: Кубарев Г. В. Указ. соч. Табл. 73.-10, 145.-1; Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. Рис. 3.-2; Загородний А. С., Григорьев Ф. П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. II. Рис. 3.-22; Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006. Рис. 8.-4; и др.

²⁷ См.: Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 134, 166, 167, 178, 179.

власти, является отчетливо выраженная тенденция в их распределении в погребениях. Помимо редкости находок, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве случаев зафиксированы в могилах с «богатым» сопроводительным инвентарем.

К предметам, включенным в «комплекс власти», по всей видимости, следует также отнести плети и стеки (рис. 1, 11–13). Наибольшее значение имели богато оформленные находки.²⁸ Статус плети как особого символа власти подтверждают сведения из письменных источников среднеазиатского происхождения, а также фольклорные, этнографические и иконографические материалы.²⁹

Выделяемый в составе сопроводительного инвентаря раннесредневековых погребений тюрок Центральной Азии «комплекс богатства», очевидно, имеет гораздо меньшее отношение к атрибутам власти. Вместе с тем, судя по имеющимся сведениям, включаемые в него предметы также могли отражать принадлежность человека к элите общества кочевников.

Ярким признаком, отличавшим верхушку социума от остального населения, являлся костюм.³⁰ В данном случае особое внимание следует обратить на связанные с его оформлением предметы торевтики, изготовленные из цветных металлов. В научной литературе весьма подробно представлена социальная значимость наборного пояса, являвшегося своего рода «паспортом» раннесредневекового кочевника.³¹ Основным показателем престижности пояса, судя по всему, служил материал, из которого были изготовлены его составляю-

щие, а также их количество. Дополнительным признаком являлись изображения животных, в ряде случаев зафиксированные на наконечниках ремней.³² Имеются многочисленные свидетельства того, что в обществах раннего средневековья пояс с золотыми накладками считался признаком принадлежности человека к элитным слоям населения.³³

Сходные тенденции характерны для украшений конского снаряжения. Наиболее существенным показателем также являлся материал, из которого были изготовлены элементы амуниции.³⁴ Не исключена особая значимость отдельных предметов снаряжения. По замечанию В. И. Распоповой,³⁵ на пенджикентской живописи только лошадь предводителя была украшена султаном. Известны аналогичные данные и о других элементах конского снаряжения, изготовленных из органических материалов и не сохранившихся в погребальных комплексах.³⁶

Очевидна социальная значимость в обществе раннесредневековых кочевников серебряных сосудов. Такие изделия нередко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных воинов.³⁷ Имеются свидетельства о том, что металлические сосуды были атрибутом «княжеских» погребений аваров.³⁸

Социальную значимость наборных поясов, украшений конского снаряжения и сосудов, изготовленных из драгоценных металлов, подтверждает обнаружение таких вещей в ходе исследований мемориальных «каганских» комплексов в Монголии. На памятнике в честь Тоньюкука (Цаган-Обо-I) зафиксированы золотые бляхи, относящиеся к конской амуниции. В ходе раскопок мемориального комплекса Бильгэ-кагана найдено значительное количество предметов торевтики, среди

²⁸ См.: Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 50–55; Бородавский А. П. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 186.

²⁹ См.: Соловьева О. А. Символы, символические знаки и знаки власти (на среднеазиатском материале) // Символы и атрибуты власти (генезис, семантика, функции). СПб., 1996. С. 40; Кубарев Г. В. Указ. соч. С. 80; Ожередов Ю. И. Сакральные предметы сибирских татар по материалам фольклора: плеть // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2005. С. 216–220; и др.

³⁰ См.: Доде З. В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. № 4. С. 25.

³¹ См.: Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 144; Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. С. 73; и мн. др.

³² См.: Добжанский В. Н. Указ. соч. С. 74.

³³ См.: Распопова В. И. Указ. соч. С. 97, 107, 108; Могильников В. А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 214.

³⁴ См.: Горбунова Т. Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сурстунской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 110–112.

³⁵ См.: Распопова В. И. Указ. соч. С. 101.

³⁶ См.: Мухарева А. Н. Украшения конского снаряжения или свидетельства социального статуса? // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. Т. II. С. 36, 37, Рис. 1.

³⁷ См.: Грач А. Д. Указ. соч. С. 67; Кубарев В. Д. Указ. соч. С. 33–36, 73.

³⁸ См.: Распопова В. И. Указ. соч. С. 103.

которых были серебряные и золотые сосуды, бляхи наборного пояса и украшения конского снаряжения.³⁹ Кроме того, в состав клада входили золотые серьги, которые, вероятно, также относились к «престижным» элементам материальной культуры раннесредневековых кочевников.

Особое место в представлениях номадов различных исторических периодов занимали металлические зеркала. Определенные тенденции в этом плане характерны и для раннего средневековья.⁴⁰ Если вопрос о значении металлических зеркал как предметов культа остается дискуссионным, то социальная значимость таких изделий несомненна. Во 2-й половине I тыс. н. э. рассматриваемые находки являлись предметом импорта, что стало одним из факторов, определивших их редкость и ценность. Дополнительным подтверждением в этом плане являются фрагментарные упоминания о зеркалах в письменных источниках, наряду с другими признаками «богатства» кочевника.⁴¹

Таким образом, анализ материалов раскопок раннесредневековых погребальных комплексов тюрок Центральной Азии позволяет выделить вещи, имевшие особое значение для определения высокого политического статуса человека. Учитывая большую степень мили-

таризации номадов, в основном эти предметы были связаны с военным делом. Важными символами власти являлись: клинковое оружие ближнего боя (меч, кинжал), боевой топор, копье, а также защитный доспех. Статус человека и его отношение к власти определялись также наличием художественно оформленной плети. Очевидно, важным показателем принадлежности кочевника к политической элите был наборный пояс. Другие предметы тореутики (металлические сосуды, зеркала, украшения и др.), а также костюм в большей степени являлись символами богатства, однако также служили атрибутами представителей верхушки общества номадов.

Важно подчеркнуть, что полученные результаты демонстрируют символизм предметов сквозь призму традиций погребально-поминальной обрядности. В связи с этим дальнейшая конкретизация сведений о знаках власти в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии требует корреляции сделанных выводов со сведениями дополнительных источников. Большое значение для развития данной темы имеет продолжение раскопок на территории Монголии, представлявшей собой центр империй кочевников второй половины I тыс. н. э.

Nikolai N. Seregin

Candidate of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul)

E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

SYMBOLS OF POWER IN THE EARLY MIDDLE AGE TURKIC SOCIETIES OF CENTRAL ASIA (ON THE BASIS OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS)

The subject of the article was the identification of authority symbols among the early Middle Age Turkic population groups in the Central Asia. The study was based on archaeological materials, primarily from the excavated burial complexes of the second half of the 1st millennium AD. The study of the available materials and supplementary sources (written, visual art items, ethnographic) made it possible to identify artifacts which served as symbols of a person's position within the early Middle Age political elite hierarchy. In view of the significant militarization of the nomads most of these items were related to military activities. Important authority symbols included: close combat bladed weapons (sword, dagger), battle axe, spear, padded armor. Another symbol of a person's status and his power position was also the artistically decorated flail. An important indicator of a nomad's belonging to a political elite was a composite belt. Other toreutics items (metal vessels, mirrors, decorations and costume) served mostly as the symbols of wealth, however they too were used as the attributes of the nomads upper classes.

³⁹ См.: Войтов В. Е. Указ. соч. С. 18; Баяр Д. Указ. соч. С. 79, рис. 10–15.

⁴⁰ См.: Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. С. 111–122.

⁴¹ См.: Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 313.

Keywords: *power symbols, early Middle Ages, Turkic peoples, Central Asia, archaeological sites, social history, elite*

REFERENCES

- Bayar D. *Novye arkheologicheskie raskopki na pamyatnike Bilge kagana* [New archaeological excavations on a monument of Bilge of a kagan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, 2004, no. 4 (20), pp. 73–84. (in Russ.).
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. *Voennoe delo syanbiyskikh gosudarstv severnogo Kitaya v IV–VI vv. n.e.* [Military science the syanbiyskikh of the states of northern China in the IV–VI centuries AD.]. *Voennoe delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu* — Military science of nomad of Central Asia during a syanbiysky era. Novosibirsk: NGU Publ., 2005, pp. 80–200. (in Russ.).
- Borodovskiy A. P. *Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika yuga Zapadnoy Sibiri* [Lashes and stacks in equipment of the early medieval rider of the South of Western Siberia]. *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka* — Military science of the population of the South of Siberia and the Far East. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, pp. 179–189. (in Russ.).
- Danilov S. V., Ochir A., Erdenebold L., Buraev A. I., Saganov B. V., Batbold Kh. *Kurgan ShoroonDov i ego mesto v obshchey sisteme arkheologicheskikh pamyatnikov tyurkskoy epokhi Tsentralnoy Azii* [Barrow Shoroondov and his place in the general system of archaeological monuments of a Turkic era of Central Asia]. *Drevnie kultury Mongolii i Baykalskoy Sibiri* — Ancient cultures of Mongolia and the Baikal Siberia. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat.gos. Uni., 2010, pp. 254–257. (in Russ.).
- Dmitriev S. V. *K voprosu o kulturnom statuse kholodnogo oruzhiya v traditsionnoy kulture narodov Sredney Azii* [To a question of the cultural status of a cold weapon in traditional culture of the people of Central Asia]. *Yevraziya skvoz veka* — Eurasia through centuries. St. Petersburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU Publ., 2001, pp. 234–237. (in Russ.).
- Dobzhanskiy V. N. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Type-setting belts of nomads of Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 162 p. (in Russ.).
- Dode Z. V. *Simvoliy legitimatsii prinadlezhnosti k imperii v kostyume kochevnikov Zolotoy Ordy* [Symbols of legitimation of belonging to the empire in a suit of nomads of the Golden Horde]. *Vostok*, 2005, no. 4, pp. 25–35. (in Russ.).
- Dosymbaeva A. *Zapadnyy Tyurkskiy kaganat. Kulturnoe nasledie kazakhskikh stepey* [Western Turkic kaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes]. Almaty: «Tyurkskoy nasledie» Publ., 2006. 168 p. (in Russ.).
- Fielstrup F. A. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka* [From ceremonial life of Kyrgyz of the beginning of the XX]. Moscow: Nauka Publ., 2002. 302 p. (in Russ.).
- Gorbunova T. G. *Sotsialnaya znachimost ukrasheniy konskoy amunitsii (po materialam srostkinskoy kultury)* [The social importance of jewelry of horse ammunition (on materials of srostkinsky culture)]. *Sotsialno-demograficheskie protsessy na territorii Sibiri (drevnost i srednevekove)* — Social and demographic processes in the territory of Siberia (antiquity and the Middle Ages). Kemerovo: KemGU Publ., 2003, pp. 109–113. (in Russ.).
- Izmaylov I. L. *Zashchitniki «Steny Iskandera»* [Defenders of “Iskander’s Wall”]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo Publ., 2008. 206 p. (in Russ.).
- Khudyakov Yu. S. *Simvoliy i atributy gosudarstvennosti u eniseyskikh kyrgyzov v epokhu rannego srednevekoviya* [Symbols and attributes of statehood at the Yenisei Kyrgyz during an era of the early Middle Ages]. *Etnicheskaya istoriya i kultura tyurkskikh narodov Yevrazii* — Ethnic history and culture of the Turkic people of Eurasia. Omsk: «Izdatel-Poligrafist» Publ., 2011, pp. 294–299. (in Russ.).
- Khudyakov Yu. S. *Zolotaya volchya golova na boevykh znamenakh: Oruzhie i voyny drevnikh tyurok v stepyakh Yevrazii* [The gold wolf head on battle flags: The weapon and wars ancient a tyurok in steppes of Eurasia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2007, 192 p. (in Russ.).
- Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Stepanova N. F. *Arkheologiya Nizhnetytkeskenskoy peshchery-I (Altay)* [Archaeology of the Nizhnetytkeskensky cave-I (Altai)]. Barnaul: Izd-vo Alt. Uni., 1995. 150 p. (in Russ.).
- Klyashtornyy S. G., Livshits V. A. *Sogdiyskaya nadps iz Buguta* [Sogdiyskaya inscription from Bugut]. *Strany i narody Vostoka* — Countries and people of the East, 1971, no. 10, pp. 121–146. (in Russ.).
- Kovalevskaya V. B. *K izucheniyu ornamentiki nabornykh poyasov VI–IX vv. kak znakovoy sistemy* [To studying of a twiddle of type-setting belts of the VI–IX centuries as sign system]. *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii* — Statistiko-kombinatornye methods in archaeology. Moscow: Nauka Publ., 1970, pp. 144–155. (in Russ.).

- Kubarev G. V., Kubarev V. D. *Pogrebenie znatnogo tyurka iz Balyk-Sooka (Tsentralnyy Altay)* [Burial of the notable Turkoman from Balyk-Sooka (the Central Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, 2003, no. 4, pp. 64–82. (in Russ.).
- Kubarev V. D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya* [Drevnetyurksky sculptures of Altai]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. 230 p. (in Russ.).
- Kyzlasov L. R. *Reznaya kostyanaya rukoyatka pleti iz mogily Ak-kyuna (Altay)* [The carved bone handle of a lash from a grave of Joint stock company-kyuna (Altai)]. *KSIIMK*, 1951, no. 36, pp. 50–55. (in Russ.).
- LyuMaotsay. *Svedeniya o drevnikh tyurkakh v srednevekovykh kitayskikh istochnikakh* [Data on ancient Turkic peoples in medieval Chinese sources]. *Byulleten Obshchestva vostokovedov – Bulletin of Society of orientologists*. Moscow: Izd-vo In-ta vostokovedeniya RAS Publ., 2002. 126 p. (in Russ.).
- Matrenin S. S., Tishkin A. A. *Bulan-kobinskaya kultura Gornogo Altaya* [Bulan-kobinsky culture of Mountain Altai]. *Sotsialnaya struktura rannikh kochevnikov Yevrazii – Social structure of early nomads of Eurasia*. Irkutsk: Izd-vo IrGTU Publ., 2005, pp. 152–183. (in Russ.).
- Mukhareva A. N. *Ukrasheniya konskogo snaryazheniya ili svidetelstva sotsialnogo statusa?* [Decoration of horse equipment or certificate of the social status?]. *Prirodnye usloviya, istoriya i kultura Zapadnoy Mongolii i sopredelnykh regionov – Environment, history and culture of the Western Mongolia and adjacent regions*. Hovd; Tomsk: Hovdskiy gosudarstvennyy Uni., 2009, vol. 2, pp. 36–38. (in Russ.).
- Okladnikov A. P. *Kon i znamya na Lenskikh pisanitsakh* [Horse and a banner on Lenskikh pisanitsakh]. *Tyurkologicheskiy sbornik – Tyurkologicheskiy collection*, 1951, no. 1, pp. 143–154. (in Russ.).
- Raspopova V. I. *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda* [Metal products of early medieval Sogd]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 139 p. (in Russ.).
- Seleznev Yu. V. *Elita Zolotoy Ordyy* [Elite of the Golden Horde]. Kazan: «Fen» Publ., 2009. 232 p. (in Russ.).
- Seregin N. N. *Sotsialnaya organizatsiya rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Tsentralnoy Azii (po materialam pogrebalnykh kompleksov)* [The social organization early medieval a tyurok of the Altai-Sayansk region and Central Asia (on materials of funeral complexes)]. Barnaul: Izd-vo Alt. Uni., 2013. 206 p. (in Russ.).
- Seregin N. N. *Traditsiya sooruzheniya kenotafov kochevnikami tyurkskoy kultury* [Tradition of a construction of kenotaf nomads of Turkic culture]. *Arkheologiya stepnoy Yevrazii – Archaeology of steppe Eurasia*. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU Publ., 2008, pp. 144–153. (in Russ.).
- Soenov V. I., Ebel A. V. *Novye materialy iz altayskikh ogradok* [New materials from Altai an ogradok]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1996, no. 3, pp. 115–118. (in Russ.).
- Soloveva O. A. *Simvoly, simvolicheskie znaki i znaki vlasti (na sredneaziatskom materiale)* [Symbols, symbolical signs and signs of the power (on the Central Asian material)]. *Simvoly i atributy vlasti (genezis, semantika, funktsii) – Symbols and attributes of the power (genesis, semantics, functions)*. St. Petersburg.: *Muzey antropologii i etnografii RAS Publ.*, 1996, pp. 38–45. (in Russ.).
- Sovetova O. S., Mukhareva A. N. *Ob ispolzovanii znamen v voennom dele srednevekovykh kochevnikov (po izobrazitelnykh istochnikam)* [About use of banners in military science of medieval nomads (on graphic sources)]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri – Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2005, vol. 23, pp. 92–105. (in Russ.).
- Tishkin A. A., Seregin N. N. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Metal mirrors as a source on ancient and medieval history of Altai (on materials of the Museum of archaeology and ethnography of Altai of the Altai state university)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2011. 144 p. (in Russ.).
- Voytov V. Ye. *Drevnetyurkskiy panteon i model mirozdaniya v kultovo-pominalnykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII* [Drevnetyurkskiy pantheon and model of the universe in cult and funeral monuments to Mongolia VI–VIII]. M.: Izd-vo GMV Publ., 1996. 152 p. (in Russ.).
- Zagorodniy A. S., Grigorev F. P. *Dopolnitelnye dannye o mogilnike Issyk* [Additional data on a burial ground Issyk]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana – Questions of archaeology of Kazakhstan*. Almaaty; Moscow: Gylm Publ., 1998, no. 2, pp. 117–123. (in Russ.).
- Zholdasbekov M., Sartkozhauly K. *Atlas Orkhonskikh pamyatnikov* [Atlas of Orkhonsky monuments]. Astana: Kultegin Publ., 2006. 360 p. (in Russ.).